

**ГЕОРГИЙ
ЛАНСКОЙ**

МНЕМОЗИНА

**МЕРТВЫЕ НИКОГДА НЕ ВРУТ,
НИЧЕГО НЕ ЗАБЫВАЮТ И НЕ
УХОДЯТ НИ С ЧЕМ.**

Любовь, интрига, тайна

Георгий Ланской

Мнемозина

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ланской Г. А.

Мнемозина / Г. А. Ланской — «Эксмо», 2020 — (Любовь, интрига, тайна)

Иван Стахов – бывший опер, ныне адвокат. С оперативной работы он ушел после того, как маньяк, которого он преследовал, убил его жену и сына. После смерти близких Иван начал чувствовать присутствие душ людей, которые умерли неестественной смертью... Бизнесмен Олег Рокотов нанял Стахова, чтобы тот отыскал пропавшего Глеба Макарова. Макаров был женихом Ксении, единственной дочери Рокотова. Недавно девушка погибла, по версии следствия – случайно выпала из окна, когда вешала шторы. Но Рокотов уверен, что Ксению убил Глеб... Стахов взялся за это дело, но лишь по одной причине: Рокотов пообещал сообщить Ивану о местонахождении маньяка, убившего его семью и сумевшего скрыться...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ланской Г. А., 2020
© Эксмо, 2020

Георгий Ланской

Мнемозина

Мнемозина – в древнегреческой мифологии богиня, олицетворявшая память, мать всех муз. Она знает всё, что было, всё, что есть, и всё, что будет.

Пролог

Прижимая к раскалывающейся голове ладонь, он говорит себе: «Я смогу», а затем делает шаг, один крохотный шаг в сторону дверей. Боль ударяет в раскрытую ладонь оглушительной пульсацией, выплескиваясь в нее багровыми каплями. Кровь, вязкая, как вишневое варенье, падает на бежевый ковер и мгновенно впитывается в высокий ворс, делая его грязным. С трудом переставляя ноги, мужчина делает еще пару шагов, всхлипывая от чудовищного гула в висках, спотыкается о перевернутый стул и падает на пол с хриплым криком, разбросав руки в стороны. Затуманивающийся взор видит только уходящий в бесконечность пол да валяющуюся бутылку, наполненную белыми бабочками. Левый глаз вообще не видит ничего, кроме красного марева. Левая рука болтается плетью. На правой ноют разбитые пальцы.

Еще слишком рано, и солнце только-только встает – свет проникает сквозь стекла. Ему ничего не препятствует. Занавески сорваны и валяются на полу неаккуратной кучей. Прямоугольник света на обоях наливается оранжевым, становясь более четким. Оконная рама походит на надгробный крест.

Кровь продолжает течь из разбитой головы мужчины, и рукав его не слишком чистой футболки уже почти черный. Мыча от напряжения, мужчина становится на четвереньки и неуклюже ползет к двери, стараясь не оглядываться, а затем встает, хватаясь за шкаф. Его пальцы скользят, оставляя на светлом дереве красные разводы. С усилием подтягивая непослушное, слишком тяжелое тело к выходу, мужчина думает, что еще немного – и он потеряет сознание, и тогда ему конец. Шкаф, на который он опирается, трясется, но он набит одеждой до отказа, и потому не упадет. Мужчина протягивает руку к пластиковой коробочке на стене и трясущимся пальцем, не попадая с первого раза, давит на тревожную кнопку. А надавив, находит силы обернуться и тут же сползает по стене, оставляя на обоях жирный красный след.

Его ладони и колени разодраны о битое стекло, в изобилии валяющееся по полу, но мужчина уже не чувствует боли. Обхватив голову руками, он смотрит на тело жены, даже в смерти прикрывающей собой неподвижного мальчика со светлыми волосами. На ее спине расплылось алое пятно с черными дырами в платье, кончики светлых волос почернели от засохшей крови. Из дальнего угла ему плохо видно сына, и это даже к лучшему. Вывернутая ножка ребенка, его ручка, зажата рукой жены, не дают ему покоя, но мужчина не может отвести от них взгляд.

Балконная дверь распахнута настежь и болтается на одной петле. На белом пластике остроумный гость намалевал смайлик, используя в качестве кисти собственный палец, а вместо краски – кровь. Сквозняк струится по полу и колышет волосы мертвой жены и мертвого сына, отчего кажется, будто они просто прилегли в багровые лужи. И если бы не эта пугающая неподвижность сломанных кукол, можно было бы подумать, будто еще есть вариант что-то исправить. Воздух насыщен тяжелым медным запахом запекшейся крови.

Вслепую мужчина шарит рукой и тратит остатки сил, чтобы распахнуть входную дверь настежь, а открыв, вываливается в подъезд. Кровь течет на рыжий кафель, скапливаясь в швах между плитками. Мужчина тянет руку к соседней двери, но не дотягивается и без сил падает на

холодный пол. Правым, здоровым глазом, он видит, как в глубине квартиры шевелится скрюченная тень.

Смазанный силуэт движется к нему, небрежно перешагивая через тела. Бутылка с бабочками, попавшая под ноги, оказывается небрежно отброшенной в сторону. Отлетев, она врежется в стену и разбивается. Сухие трупики засыпают пол невесомыми белыми крылышками. Теряя сознание, мужчина инстинктивно отодвигается от приближающегося монстра, закрывает лицо покалеченной рукой.

Когда бледное, изрытое красными оспинами лицо приближается вплотную, мужчина делает слабую попытку впиться в глаза убийцы ногтями, но его жалкое усилие вызывает лишь презрительную усмешку, а затем нога, обутая в тяжелый ботинок, выбивает остатки сознания из головы. Падая в невесомость, мужчина сквозь вспышки улавливает воспоминание, как вместе с сыном бегал по лугу, ловил белых бабочек и, повинуясь внезапному порыву, набил ими старую советскую бутылку из-под молока, найденную тут же, а сын долго не мог оторваться, разглядывая сквозь толстое стекло, как трепещут их сломанные крылья.

Убийца перешагивает через поверженного хозяина квартиры, наступив ему на ладонь. Но мужчина на полу этого не чувствует. Утренняя тишина вдруг огрызается полицейскими сиренами, на стенах скачут синие и оранжевые блики от фонарей «скорой», окна многоэтажек открываются, являя заспанные физиономии зевак. И когда раздвигаются двери лифта и на этаже оказываются сотрудники вневедомственной охраны и врачи, мужчина на полу вдруг открывает глаза.

Он выдерживает торопливый допрос, не отводя взгляд от двух тел на полу, и даже скупое описывает приметы преступника, ловя многозначительные переглядывания двух полицейских. Придерживая руками раскальвающуюся голову, он что-то повторяет, уточняет, показывает, и кажется, что он почти спокоен. Но когда медики начинают ворочать тело его мертвой жены, он слышит треск отдираемой от пола кожи, присохшей от крови.

И тогда мужчина начинает кричать.

Официантка, молодая девушка с усталым лицом, уже трижды подходила к столику, подливая кофе, забирала чашки и, кажется, мысленно желала, чтобы мы убрались как можно скорее, хотя работы на сегодня у нее было немного. В кафе кроме нас сидели всего четыре человека: влюбленные у окна, то и дело прикасающиеся друг к другу, мужчина у барной стойки с кружкой пива в руке и элегантная старушка в розовом костюме, с ниткой жемчуга на шее и прической Шапокляк. Старушка единственная сидела ко мне лицом, и потому я невольно смотрел, как она аккуратно ест свой десерт, отщипывая его крохотной ложкой. Уже битый час я слушал своего собеседника и мечтал, чтобы он наконец-то что-то решил и ушел, оставив меня в покое. Это был один из проблемных клиентов: неуверенный, дерганый, то и дело решающий поменять стратегию защиты и оттого доставляющий массу проблем. Мое терпение, как и время, было на исходе. Сегодня меня ждала еще одна встреча, сулившая куда больше перспектив, чем это унылое убожество с трясущимся от страха ртом.

– Почему мы не можем просто разойтись по-хорошему? – всхлипывал он. – Иван Андреевич, поймите, я не хочу, чтобы в суде копались в моей жизни. Я не выстою против отца, это невозможно. Он в два счета объявит меня невменяемым и упечет в психушку. Вы же знаете: он уже это делал.

Он всхлипнул и закрыл руками лицо. Ногти на его пальцах были обгрызены до мяса, заусенцы вырваны с корнем. Официантка оглянулась на нас, одарив тревожным взглядом. Не знаю, кем мы выглядели в ее глазах. Мне нужно было проявить немного сочувствия, которого я не испытывал, и потому я наклонился к собеседнику и проникновенно сказал:

– Игорь Сергеевич, мы можем остановить все в любой момент, если вы захотите. Но вы же понимаете, что на этом история не закончится? Остановиться сейчас – значит проиграть. Если вы не доведете дело до суда, останетесь перед отцом совершенно беззащитным, и тогда вас уже ничего не спасет.

Он не отвечал, прерывисто дыша сквозь пальцы. Мне надоело церемониться. Да и до следующей встречи осталось всего полчаса.

– Кивните, если поняли меня, – приказал я.

Игорь, тощий парень с нервным лицом диснеевского героя-задрота, неуверенно кивнул. Я одобрительно улыбнулся.

Судьба Игоря Соколова была довольно непростой, и то, что этот измученный парень вообще отправился к адвокатам, было равносильно чуду. Его мать, довольно богатая дама, скоропостижно скончалась, не оставив завещания. Удивительным было то, что видная предпринимательница, держательница заводов, газет, пароходов, в спутники жизни выбрала истерического, суетливого интригана Сергея Соколова, руководителя регионального отделения движения «Русский крестовый поход». С Соколовым-старшим мне уже приходилось иметь дело, и каждый раз, выигрывая, я ощущал чувство гадливости. Свою жизнь так называемый общественный деятель Сергей Соколов посвятил попыткам что-то запретить: концерт, выставку, крестный ход. Протест против системы был смыслом его жизни, хотя официальные мероприятия Соколов старательно обходил стороной. После смерти жены, сдерживавшей его аппетиты, Соколов, получив доступ к капиталам, и вовсе распоясался. Теперь его акции стали более массовыми и проблемными. Одержимость Соколова не знала границ, а когда его единственному сыну исполнилось восемнадцать, он упек его в психушку, дабы тот не встал на пути к состоянию. В больнице подкупленные врачи поставили Игорю диагноз «острое полиморфное расстройство без признаков шизофрении», накачали нейролептиками до состояния овоща и оставили гнить в одиночке.

Мне удалось вытащить Игоря из психушки, но в дальнейшем сочувствие и желание помочь несчастному парню испарилось из-за его неуверенности и слабости: люди, позволяющие пинать себя ногами в лицо, не вызывали у меня жалости. Стоя в зале суда перед его самодовольным папашей, я чувствовал восхитительную ярость, но после, выиграв первый процесс, Игорь испугался и решил сдать назад.

– Отец сказал, что, если я отзову иск, он больше не станет вмешиваться в мою жизнь, – глухо сказал Игорь, уставившись в грязную чашку. – И честно поделит наследство.

– Будет гораздо лучше, если границы ваших прав все-таки установит суд, – возразил я. – У нас нет оснований доверять честности вашего родителя, верно?

Игорь вздохнул и принялся грызть ногти.

– Я просто хочу, чтобы все кончилось как можно скорее, – безжизненно прошепел он.

– Все кончится очень быстро, – успокоил я. – Если только вы будете действовать по плану.

Я расплатился и торопливо направился к машине, оставив Игоря сидеть за столом. Город плавился от удушливой жары. Я чувствовал, как пот выступил у меня под мышками, а липкая капля пробежала по спине между лопатками. Поспешив нырнуть в салон, я включил кондиционер и, подставив холодному воздуху разгоряченное лицо, мрачно предположил, что парень откажется от битвы, принеся себя в жертву.

За несколько дней до этой встречи я сидел в офисе, пристроившись на подоконнике, курил и думал об Игоре. Учитывая размер состояния, охотников вести дело в суде было немало, но Игорь выбрал меня, и причина тому была одна. Любой, кто не боялся вступить в бой с Соколовым-старшим, автоматически становился для Игоря героем. Наша позиция была без-

упречна: незаконное удержание, что почти приравнялось к похищению, растраты денежных средств, угрозы и шантаж. Все, что меня беспокоило, так это не струсит ли Игорь в последний момент. И, кажется, опасения оправдались. У меня не было уверенности, что перед заседанием он не заберет исковое заявление из суда, и тогда я вынужденно умою руки.

Беспокоиться об этом я не стал. Я сумел изолировать Игоря от отца до суда, и, если он не выйдет на контакт с отцом сам, все будет хорошо. Я убедил его девушку – расчетливую, хитрую, готовую биться за наследство насмерть, что она должна оберегать инфанта от всяческих посягательств, и, кажется, она прониклась. Возможность, что Соколов доберется до сына, все-таки была. Но удача уже отвернулась от него в тот день, когда перепуганный мальчишка, решительно выдвинув вялый подбородок, попросил у меня защиты.

Я согласился. Тогда, уже несколько месяцев подряд, я старался загрузить себя работой по горло, засиживался допоздна и даже ночевал в жестком неудобном кресле, надеясь, что усталость возьмет свое. Но все это бесполезно. Они продолжают приходить ко мне, и я не знаю, где сон, а где реальность, просыпаясь от прикосновения холодных пальцев. Перед самым рассветом, в час, когда мои жена и сын умерли, ветер раздувает шторы в моем доме или в гостиничном номере, и сквозь тревожную дрему я слышу их тихие всхлипы и шепот, зовущий за собой. И тогда я просыпаюсь, глядя на запотевшие зеркала, где иногда отчетливо видны отпечатки маленьких ладоней. Мои руки тянутся к ящику стола с припрятанным «ПМ», и я думаю, что это – самый лучший, самый простой выход прекратить страдания и боль. И тогда я сползаю на пол, сжимаюсь в ком и вою, пока могу чувствовать и думать.

На встречу я опоздал на полчаса, но не очень переживал по этому поводу. Клиентов я предпочитаю встречать в конторе. Этот же настоял на визите в его дом, что мне не особо понравилось, отчего я, прежде чем ехать, навел справки. Учитывая недавние события в моей жизни, предосторожность была не лишней.

У входа меня встретил охранник с бычьей шеей и суровым взглядом. Передвигался он крайне неуклюже и мог защитить разве что от толпы нерасторопных подростков, на которых произвел бы впечатление его внешний вид. В деле подобные быки почти всегда бесполезны по причине своей нерасторопности, и спасти хозяина они могут, разве что накрыв его своим телом.

Тщательно обыскав, охранник проводил меня до дверей дома, помпезного, роскошного, без всякого стиля. Каждый кирпичик кричал: смотрите, здесь водятся деньги. Охранник подвел меня к двери, надавил на звонок, и, как мне показалось, с трудом сдерживался, чтобы не положить руку мне на плечо, чтобы передать конвоирование коллеге.

Двери открылись, в проеме показалась женщина в черной униформе, с суровым лицом. На меня она поглядела без всякого выражения.

– Иван Стахов, – представился я. – Адвокат.

Женщина с усилием растянула губы и открыла дверь шире. Я протиснулся в щель, одарив горничную дежурной улыбкой, на которую она не отреагировала. Пропустив меня внутрь, женщина закрыла дверь и с легким поклоном пригласила следовать за ней. Я последовал, попутно оглядываясь по сторонам, при этом стараясь делать это незаметно.

Дом Олега Юрьевича Рокотова впечатлял какой-то архитектурной несуразностью и смешением стилей, чего современные нувориши себе уже не позволяют. Возможно, оттого, что дом не был новым, в нем присутствовал весь нарочитый шик девяностых: обилие позолоты, мраморные херувимы, красные ковры, хрустальные люстры с искрящимися подвесками. Словом – не дом, а Эрмитаж. Впечатление усиливали картины на стенах, с жирными ангелами, Венерами и атлетическими мужчинами в простынях. И я очень сильно сомневался, что это

реплики на работы средневековых авторов. Скорее всего, Рокотов покупал подлинники, дабы было чем похвастать перед гостями.

Пятидесятилетний бизнесмен Рокотов вынырнул как раз в девяностые, и, как водится, его прошлое было темным. Позже Олег Юрьевич остепенился, пару раз проскочил в депутаты, а затем неожиданно оказался на телевидении, сперва в качестве телеведущего, затем продюсера, постепенно прибрав к рукам пару телеканалов, на которых появлялся с завидным постоянством. Публика Олега Юрьевича принимала прохладно, несмотря на брутальную внешность покорителя сердец, в итоге он сильно сократил свою телевизионную карьеру, сосредоточившись на производстве проектов. Личная жизнь Рокотова редко оказывалась под пристальным вниманием прессы. Пятнадцать лет назад отчаянно молодившийся Рокотов женился во второй раз. Супруга его охотно посещала светские рауты, но ни в чем предосудительном замечена не была. Пара воспитывала дочь Рокотова от первого брака, ни разу не попадавшую в скандальные истории. Точнее, не попадавшую до последних дней. Недавно Ксения Рокотова трагически погибла, не то выбросившись, не то выпав из окна своей квартиры. И я нисколько не сомневался, что Рокотов, не удосужившийся назвать причину нашей встречи, хочет поговорить именно об этом.

Горничная привела меня в кабинет, где в высоком кресле развалился хозяин дома, возложив босые ноги на стол. Я едва сдержался, чтобы не фыркнуть. Очень уж это напоминало серию штампов, призванных произвести впечатление: ноги на столе, бокал с недопитым коньяком... Я поискал глазами сигару и обнаружил ее в пепельнице, выкуренную наполовину. Вблизи было видно, что и льняная рубашка, и драные джинсы на Рокотове отличного качества. Мне стало даже немного неудобно за свой выдавший виды костюм, в котором я выглядел простовато для такого дома. Горничная стояла у меня за спиной, ожидая указаний, безмолвная, как статуя.

– окотовы

– Вы опоздали, – сурово сказал Рокотов.

– Прошу прощения, – смиренно ответил я, делая шаг вперед и протягивая руку для рукопожатия, – застрял с клиентом.

Рокотов не поднялся и на мой жест ответил лишь презрительным взглядом. Горе оставило на его холеном лице свой отпечаток, отчего морщины на скуластом лице стали резче.

– Вам было назначено определенное время, – холодно ответил он. – А время – деньги. Я не потерплю подобного разгильдяйства в делах, которые ведутся со мной. Надеюсь, вы меня поняли?

Я понял отлично, и потому без лишних слов развернулся на каблуках и вышел. Горничная чуть заметно сжала губы. Кажется, такое поведение в доме Рокотова не приветствовалось.

– Вы куда? О черт, вернитесь! – воскликнул хозяин дома.

Я прибавил шаг.

– Пожалуйста! – крикнул Рокотов.

На просьбу я решил отреагировать, хотя уйти хотелось больше. Вновь развернувшись, я вернулся в кабинет. Покрасневший от унижения Рокотов поднялся, зло глядя на меня и выдыхая воздух с яростью. Совладав с собой, он протянул мне руку. Я без лишних эмоций пожал ее.

– Ладно, я, – эти слова дались ему тяжелее всего, – я прошу прощения. Вы действительно еще не взяли на себя никаких обязательств, а я по привычке разговариваю с вами, как с подчиненным. Давайте присядем. Коньяк, виски? Или что-то еще?

– Кофе, если вас не затруднит, – ответил я, отведя взгляд от коньяка и торопливо сглотнув. Рокотов, кажется, не заметил моей тяги и махнул рукой.

– Да какие тут затруднения... Леля, принесите гостю кофе.

Выпустив пар, Олег Юрьевич как-то сдулся, посерел и сник. Горничная скупно кивнула и направилась к дверям, едва не столкнувшись с высокой блондинкой лет тридцати в широком домашнем платье. Его изысканная простота говорила о том, что наряд довольно дорогой. Блондинка метнула на горничную гневный взгляд, а затем вопросительно поглядела на меня.

– Моя жена, Лара, – представил Рокотов. – А это Иван Стахов, адвокат.

Лара кивнула. Когда она подошла ближе, я заметил мелкие морщинки у глаз, говорящие, что женщина гораздо старше, хотя выглядела она идеально.

– Очень приятно, – сказала она певучим медовым голосом, и с горечью добавила – Если обстоятельства нашего знакомства можно назвать приятными...

Кофе подали почти молниеносно. Пока горничная сервировала столик, мы молчали. Лара от кофе отказалась, налила себе коньяку и, присев на подлокотник кресла, угрюмо уставилась куда-то в стену. Олег Юрьевич дождался, когда горничная выйдет, а я пригублю свой кофе.

– Речь пойдет о моей дочери Ксении, – обозначил он. – Недавно она умерла.

– Соболезную, – ответил я. Рокотов кивнул, Лара не пошевелилась.

– Благодарю, – горько вздохнув, произнес Олег Юрьевич. – Я... мне тяжело об этом говорить, но мы тяжело переживаем потерю. Все как-то навалилось: проблемы в бизнесе, затем Ксюша, а сейчас вот отец совсем сдал, переживает из-за внучки, боюсь, второго инфаркта он не переживет. Он и без того был сам не свой, когда скончалась мама, а потом еще это... Отец ведь внучку вынянчил с самой колыбели. Ксюша мой... была моим единственным ребенком, и теперь мы не знаем, как жить дальше... В полиции нам объявили: она выпала из окна, несчастный случай. Стул сломался, когда она вешала шторы, такое бывает. Когда мы приехали в больницу, Ксюша была в реанимации. Она продержалась еще сутки, а затем скончалась, не приходя в сознание.

Лара жарко задышала и залпом выпила свой коньяк. Я тактично помолчал, а затем произнес:

– Боюсь, я не совсем понимаю, чем могу помочь.

Рокотов поставил свою чашку так резко, что кофе выплеснулся на блюдце и стол. Рассеянно поглядев на коричневую лужу, Олег Юрьевич веско произнес:

– Видите ли, Иван, я подозреваю, что моя дочь была убита.

– Почему? – спросил я. – У вас есть основания не доверять результатам следствия?

Рокотов раздраженно закатил глаза, вскочил с места и, схватив сигару, стал ее яростно жевать, тыкая в лицо зажигалкой. Пока он безуспешно пытался прикурить, мне ответила Лара, обведя пространство вокруг вялым жестом.

– Вы же видите, где и как мы живем, верно? – вымученно улыбнулась она. – Мы богаты, Иван. Ксюша с детства была избалованным ребенком. Недавно она пожелала жить отдельно. У нее, видите ли, началась личная жизнь. Завела себе кавалера, съехала в квартиру, чтобы мы не мешали. Мы не возражали, оттуда до учебы добираться проще, да и скучно здесь, все-таки загородная жизнь не для молодежи. Квартиру в свое время отделявал стилист. Так вот: Ксения палец о палец не ударила. И тут, ни с того ни с сего, решила шторы перевесить? Боюсь, она не знала, с какой стороны там петли.

– Всякое бывает, – уклончиво возразил я. Лара помотала головой так, что ее локоны разметались по плечам.

– Бывает... – презрительно констатировала она, и добавила: – Но не с ней. Ксения даже чашки сама не мыла, складывала в посудомойку и не уверена, что утруждалась, чтобы затем вынуть посуду и расставить на полках. Иногда сваливала все в раковину, пока домработница не приводила все в порядок. Говорю вам, она была большим ребенком, совершенно не готовым к реальности. И вдруг – шторы. Это так же неправдоподобно, как увидеть в ее руках... я не знаю... швабру или пылесос. Да она не знала, как тостер включался...

Лара захлебнулась словами, проглотила из своего бокала последние капли и налила себе еще коньяку. Олег Юрьевич покосился на жену, но не стал возражать. Переведя на меня тяжелый взгляд, он продолжил:

– После ее смерти я пытался найти ее парня... Глеба Макарова. И не нашел. А ведь у меня масса возможностей, как вы понимаете. Для меня дико кого-то не найти, если надо. А его не смог. Глеб исчез в неизвестном направлении. Родители уверяют, что за день до смерти Ксюши он улетел отдыхать на Гоа, решил переосмыслить свою жизнь, якобы на их частном самолете. Я проверял, естественно. Бред. В день смерти Ксюши он был здесь, в Москве. Он не пересекал границы Индии, он вообще из России не выезжал, разве что по чужим документам. Так что прячется где-то.

– Зачем ему прятаться?

На лице Рокотова появилась жесткая ухмылка. Он покачал головой и поглядел на меня как на идиота.

– Причина очевидна, я считаю. Ксюшу убил Глеб.

– Почему вы так считаете? – спросил я, мысленно сделав зарубку на имени Макарова. Рокотов вернулся за стол, уселся на прежнее место и, с отвращением допив остывший кофе, проникновенно сообщил:

– Вы должны понимать, кто такой Глеб Макаров. Он – мажор, сынок Сергея Макарова, владельца «МосСтройНефти», никчемное, инфантильное убожество, наркоман. Родители давно махнули на него рукой, а он тупо прожигает жизнь. В какой-то момент ему встретила Ксюша. Она им была очарована: видите ли, Глеб малюет какую-то мазню, называя ее авангардным искусством, пишет стихи и рассказы, поет... Словом, упорно пытается влиться в ряды балаганных шутов. Но ей почему-то было с ним интересно. Они постоянно были вместе. В тот вечер соседи слышали шум, громкую музыку и крики. Ксюша с кем-то ссорилась. Кроме Глеба, к ней никто не ходил. И сразу после ее смерти этот уродец исчезает, да так, что его никто не может найти. Я уверен – между ними что-то произошло, Глеб ее ударил или толкнул, а затем выбросил тело из окна, чтобы замести следы.

– Так вы хотите найти Глеба? – уточнил я.

Происходящее нравилось мне все меньше. Рокотов решил устроить вендетту и, подобно урагану, вбирающему в себя все, попадающееся на пути, решил впутать в дело как можно больше людей. Но мне этого совершенно не хотелось. Рокотов, словно уловив мои колебания, жестко сказал:

– Я хочу узнать, что случилось с моим ребенком. И если для этого нужно найти Глеба – так тому и быть.

Я покачал головой.

– Боюсь, вы обратились не по адресу. Я – адвокат, а не частный сыщик. Почему бы вам не обратиться в полицию или в соответствующие структуры.

– Я же тебе говорила, – прошелестела Лара безжизненным голосом. Рокотов не обратил на нее никакого внимания.

– Иван Андреевич, – спокойно ответил он, – я буду говорить откровенно: мне не нужен просто частный сыщик. Полиция палец о палец не ударит, в лучшем случае найдут какого-нибудь бомжа, выбьют из него признание и, забрав денежки, со спокойной совестью окончательно закроют дело. Сыщики, возможно, Глеба найдут, но что дальше? Мне нужен человек, который будет в курсе дела от начала и до самого конца, чтобы потом в суде не пришлось искать потерянные доказательства. И потом, я ведь наводил о вас справки. Вы были очень хорошим сыскарем. Вас не сдерживают никакие ограничения, вы говорите на двух языках. Если для дела вам придется ехать за границу, вы сможете это сделать, особенно при моих возможностях вам помочь.

– Мне кажется, что вам больше поможет собственная безопасность. Например, ее руководитель, господин Фионов.

Рокотов поджал губы, я ответил безмятежным взглядом. Естественно, я знал, что охрану Рокотова возглавлял бывший мент, майор Никита Фионов, человек с репутацией убийцы, не стесняющегося никаких грязных методов, за что в свое время его и поперли из органов, не дожидаясь выхода на пенсию. Мы с Фионовым никогда не сталкивались, но друг о друге слышали.

– Незадолго до смерти Ксении Фионов попал в больницу. Банальнейший аппендицит, осложненный перитонитом, – хмуро ответил Рокотов. – Дотерпел, одним словом. Идиотская история. И сейчас Никита, скажем так, не в строю, потому искать Макарова не может.

– А если Глеб не виноват? – прищурился я. Рокотов усмехнулся.

– Я не пытаюсь выставить его виновным, Иван Андреевич. Я ищу убийцу моей дочери.

– А если убийцы нет и это действительно несчастный случай?

Лара резко встала и бросилась к выходу, но муж удержал ее за руку.

– Я смирюсь, – ответил Рокотов с плохо разыгранным безразличием. – Ксюшу не вернешь, а карать невинных я не намерен.

Я поднялся.

– И все-таки я вынужден вам отказать. Специфика моей работы такова, что я не занимаюсь сыском. Если нужно, я буду представлять ваши интересы в суде и могу порекомендовать отличных сыскарей, готовых трудиться на износ. Розыском должны заниматься специальные агентства или полиция, а не адвокат. Так что еще раз прошу прощения.

Я развернулся и сделал шаг к двери, когда меня догнал вкрадчивый голос Рокотова.

– Я не сказал вам еще кое-что. Мне известно об убийстве вашей семьи, а также о том, что убийце удалось избежать наказания. Если вы найдете убийцу Ксении, я помогу покарать убийцу ваших жены и сына.

Я замер.

Прошлое прочно держало меня в своих щупальцах, не собираясь отпускать и лишь изредка позволяя вдохнуть и на миг ощутить себя живым. Вечерами ночной шепот сводил с ума, а вороненая сталь пистолета казалась все желаннее. Я почти перестал пугаться, видя смутные тени в собственной спальне, я уже совершенно не реагировал на падающие с полок фото и детские игрушки и почти не мерз под одеялом, чувствуя ледяные прикосновения. Смириться с тем, что их нет, а волк в человеческом облики все еще ходит рядом, было невозможно.

В кабинете внезапно стало очень холодно. Я инстинктивно сделал шаг в сторону, чтобы очутиться на солнечном пятнышке, падающем из окна. Что-то мертвое до сих пор ходило в этом доме, вынуждая меня откликнуться на немой призыв, и я был не в силах этому противиться. И потому, не поворачиваясь, я сказал:

– Мне нужно побывать в той квартире, где все произошло. А пока покажите мне ее комнату.

Наверх, в этот дом-музей, со мной поднялась Лара, вновь наполнившая свой бокал до краев. Хозяйка шла впереди, небрежно виляя бедрами, и то и дело пригубливая коньяк. До комнаты Ксении было довольно далеко, и к тому моменту, когда мы дошли до дверей, бокал оказался пустым. Лара открыла дверь и сделала приглашающий жест, не подумав подвинуться. Чтобы попасть внутрь, мне пришлось протиснуться мимо нее, почти вплотную прижавшись к ее груди.

От ее кожи пахло солнцем и чем-то кисловатым.

– До отъезда Ксюша жила тут, – пояснила Лара. – Мы ничего не меняли, надеялись, что она одумается и вернется.

Комната, большая, с высокими потолками, была окрашена в карамельно-розовый цвет такого приторного оттенка, что сводило зубы. Я подумал, что взрослая девушка добровольно покинула этот конфетный ад, чтобы не заполучить кариес. Посреди комнаты стояла большая кровать с нелепым балдахином, рядом стол, кресло на колесиках, пара тумбочек, трюмо с круглым зеркалом и большой шкаф. На тумбочках и трюмо я заметил несколько фото. Ксения представляла перед фотографом в одиночестве. Ее улыбка казалась грустной, иногда натянутой. Напротив кровати висел телевизор. Я сделал шаг вперед и оказался у стола с ноутбуком, над которым висели несколько рамок с фото. Но та, что находилась в центре, заставила меня замереть.

В квадратной раме черного цвета, на красном фоне была прикреплена бабочка: средних размеров, с белыми, почти прозрачными крылышками, и рисунком в виде черного глаза, призванного отпугивать птиц.

Холодные пальцы прикоснулись к моей руке.

Я резко обернулся, подумав, что это Лара, но та по-прежнему стояла у дверей, глядя на меня с тоской.

– Это Ксюша в детстве увлекалась, – пояснила она. – Любила бабочек очень. А эту поймала на Алтае, очень гордилась удачей, потому что это очень редкий экземпляр... Называется, кажется...

– Мнемозина, – сказал я хриплым голосом. – Действительно редкая бабочка. Вашей девочке повезло.

– Неужели? – высокомерно спросила Лара, но спустя мгновение ее лицо исказилось, и она разрыдалась.

Мои близкие были убиты весной.

Я работал опером и почти все время занимался тем, что ловил на улицах всяких тварей в человеческом облике. Будь у меня талант, я писал бы ужастики похлеще Стивена Кинга. За десять лет перестаешь удивляться, до какой низости и жестокости может опуститься даже вполне приличный с виду человек. Странно, но сейчас я по-другому смотрю на происходящее, понимая, что для человека нет ничего важнее семьи. Тогда же я, как идиот, ставил на первое место долг, ничего не делая для того, чтобы спасти свой разваливающийся брак. После работы, прямо за столом в отделении, я напивался, чтобы отогнать чудовищ, с которыми имел дело весь день, а затем, пьяный и злой, шел домой, к жене и сыну, срывая на них свое раздражение. Лена делала все возможное, чтобы семья не развалилась, а Артем... Что ж, мне стыдно признаться, но я его пугал. Мне кажется, что сын боялся отца больше, чем любил его. Во всяком случае, я не помню, чтобы после новогодних праздников Артем бежал ко мне, как раньше, обнять после рабочего дня. У меня не хватало сил на нежности. Наскоро поужинав, я падал в кровать.

Это были тяжелые дни. В городе завелся маньяк, с завидным постоянством нападавший на женщин и детей. Этот зверь был хитер, постоянно менял место нападений. Далекое не сразу все дела объединили в одно производство. В конечном итоге его искал уже весь город. Нас постоянно дергали все кому не лень, пресса извращалась в остроумии, считая, что мы не выполняем и сотой доли того, что делали на самом деле. Ежедневно я вздрагивал от телефонных звонков, в которых торопливый голос дежурного сообщал о новой жертве, найденной где-то в лесополосе. Мертвые женщины и дети с признаками насильственной смерти поступали в морги раз в месяц, затем раз в две недели, в неделю, раз в три дня, изуродованные, искромсанные ножом, почти неузнаваемые. Я почти не спал, глуша стресс водкой.

А затем нам повезло, как это часто бывает, совершенно случайно. Одна из жертв выжила и смогла дать показания, хотя ее нынешнее существование трудно назвать везением. По описанию мы смогли выйти на некоего Андрея Чигина, работающего в службе доставки писем и посылок. Чигин мотался по всему городу на старой «Мазде», попутно присматривая себе новые жертвы.

Брал Чигина я, вместе с опергруппой. Он почти не сопротивлялся и только скалился окровавленным ртом. Доказательства его вины были железными, а бесплатный адвокат не сделал почти ничего, чтобы вытащить подзащитного на свободу. Думаю, юрист и сам испытывал к нему глубочайшее отвращение и страх, отчего и стремился сбить трудного клиента с рук. Я испытывал схожие чувства, надеясь, что после задержания Чигина ко мне вернется сон.

Я не успел вдохнуть жизнь полной грудью, когда ночной гость ворвался в мой дом.

Чигин умудрился сбежать. Разыграв эпилептический припадок, он попал в больницу, а оттуда, задушив медсестру, отправился прямо ко мне домой.

Мне до сих пор неизвестно, откуда он узнал мой адрес. Я долго пытал адвоката, следователя и оперов, имевших с ним дело, но никто не признался. Конечно же его искали. И, разумеется, не нашли. Все, что мне оставалось на протяжении долгих месяцев – скорбеть, ненавидеть, искать.

Я бросил пить, хотя трезвость была невыносима, но я сознательно ковырял незаживающие раны, не позволяя себе расслабиться.

Еженедельно я навещал Таню – жертву маньяка, влачащую после нападения Чигина жалкое существование.

Почти каждую ночь я слышал тихий шепот призраков в своем доме.

А затем я встретил ее.

После беседы с хозяевами я выразил желание как можно скорее посетить квартиру Ксении. Лара пожала плечами, а Рокотов скупо кивнул.

– Леля вас проводит.

Горничная, избавившаяся от передника, ждала меня у дверей, почтительно открыла двери и пропустила вперед, чуть ли не поклонившись в пояс, а затем последовала за мной к машине, дождалась, пока я открою дверь и чинно устроилась на переднем сиденье.

– Нам нужно на улицу Павлова, – ровным, лишенным интонаций голосом произнесла она. – Сто второй дом. Если позволите, я введу данные в навигатор.

– Я знаю, где это, – возразил я и тронулся с места, искоса разглядывая попутчицу в зеркале. Горничная была некрасива: с выступающими вперед зубами, крупным носом и маленькими глазами, придающими ей сходство с крысой. Я невольно подумал, что красавица Лара вряд ли потерпела бы в доме соперницу даже из числа прислуги, поскольку адюльтеры хозяев и безвестных кухарок – дело вполне обычное.

Несколько минут мы ехали молча, а затем я небрежно сказал:

– Леля – довольно странное имя. У него есть какая-то история? Что-нибудь тюркское?

– Меня зовут Елизавета, – равнодушно ответила Леля. – Хозяйка порой любит давать странные прозвища. Лиза слишком простонародно звучит, поэтому я превратилась в Лелю.

– Интересно, – прокомментировал я. – А как хозяйка называла Ксению?

– Вряд ли я имею право обсуждать с вами подробности жизни Рокотовых, – хмуро ответила Леля, глядя перед собой. – Простите.

– Бросьте, Леля, – примирительно ответил я. – Я же тоже в какой-то степени нанятый персонал, так что для вас я – свой. Между собой ведь вы обсуждаете хозяев, верно?

– Я стараюсь этого не делать. Неизвестно, кто пойдет к хозяевам с докладом. А терять выгодное место мне не хочется.

– Послушайте, Леля, – поморщился я. – Девочка погибла, мне поручено узнать почему. Каким образом я это сделаю, если мне никто ничего не рассказывает?

– Сейчас направо, – спокойно произнесла она. Я послушно повернул, ожидая продолжения, но Леля не сказала больше ни слова, продолжая глядеть вперед. Я раздраженно сжал губы, а затем примиряющее произнес:

– Хорошо, давайте не будем про Ксению. Расскажите о ее молодом человеке. В этом отношении у вас нет табу?

– Глеб – очень положительный мальчик, – без всякого выражения начала Леля. – Из хорошей семьи, отлично воспитан, и, как и Ксения, был немного не от мира сего. Напрасно о нем говорят как о бездаре. Глеб – невероятно талантлив. Я видела его картины и могу заверить, они очень и очень неплохи, так что делать из него бизнесмена согласно семейным традициям, на мой взгляд, ошибка. И я не думаю, что он мог причинить Ксении какой-то вред. Глеб мухи не обидит, к тому же он не атлет. Если он имел какое-то отношение к случившемуся, скорее всего, это произошло случайно. Я вполне верю официальной версии, что Ксюша пыталась что-то сделать со шторой.

– Рокотов считает Глеба наркоманом, – сказал я.

– Кто сейчас не наркоман? – ответила Леля, и мне показалось, что я вижу тень усмешки на ее бескровных губах. – Нет, не думаю, что он употреблял что-то серьезнее травки, да и то – для вдохновения. Художники часто к этому прибегают.

– Вы так уверенно об этом говорите...

– Иван Андреевич, я по образованию – искусствовед, – ответила женщина и ее улыбка стала очевиднее, – так что просто поверьте, я знаю, о чем говорю. Я вам массу примеров могу из истории привести: Пикассо, например. Или Дали. Так что Глеб не был в этом отношении исключением. Думаю, что он употреблял что-то для разгона, если вы меня понимаете...

– А Ксения?

Лицо Лели захлопнулось, словно створки устрицы, вновь став непроницаемым.

– Скорее нет.

– Глеб плохо влиял на Ксению, по словам Рокотова. Вы так не считаете?

– То, что я считаю, не имеет никакого значения, – отрезала Леля. – Девочка умерла, Иван Андреевич, и воскресить ее не помогут никакие деньги. Это горе, конечно, и тяжелая утрата, но уже ничего не поделать. Ни к чему губить еще и парня, особенно если он не имеет к этому никакого отношения.

– Для человека, не имеющего на этот счет никакого мнения, вы как-то слишком рьяно защищаете Макарова, – заметил я.

Леля пожала плечами.

– Знаете, как пел Высоцкий: «Я не люблю, когда невинных бьют», – ответила она и вновь уставилась в окно. До конца нашей поездки Леля больше не сказала ни слова, оставив у меня твердое убеждение, что в ее душе кроются какие-то темные тайны.

Интересующая нас квартира располагалась в высотке, неподалеку от соснового бора, из которого дома торчали, словно грибы. Чисто теоретически это была заповедная зона, но в свое время бизнесмен Боталов умудрился отжать этот участок путем каких-то мутных махинаций. Помнится, я пытался выжать о застройке необходимые сведения и даже задал пару вопросов сыну Боталова, телезвезде Егору Черскому, но быстро обломал зубы. Заповедную зону быстро перепахали бульдозерами, часть рощи вырубил, на освободившемся месте натыкали много-

этажек, назвав район элитным. Рядом с домами открыли сеть супермаркетов и кафе, превратив тихий уголок в обжитой улей и разорив держателей крохотных магазинчиков.

Дом, в котором жила Ксения Рокотова, выглядел респектабельным. Высотка в тридцать этажей, сверкающая синими стеклами балконов, подпирала небеса. Въехать на стоянку без специального разрешения было непросто. Правда, я бы не назвал охранника особо ретивым и полезным. Его роль выполнял худой мужчина средних лет, один глаз которого был закрыт бельмом. Заметив Лелю, показавшую пластиковую карточку пропуска, он чуть заметно кивнул ей и открыл шлагбаум, пропуская нас внутрь. Приткнув машину на свободный пяточок, я проследовал за горничной к входу, где нам вновь пришлось продемонстрировать пропуск бдительному консьержу. Лелю он пропустил без проблем, а вот у меня потребовал документы. Расписавшись в журнале посетителей, я направился к лифту, и, когда кабинка взмыла вверх, оставив в желудке неприятное чувство, спросил:

– Что вы такое показывали?

Леля продемонстрировала запаянный в пластик пропуск с фотографией и фамилией, снабженный витиеватой вязью, складывающейся в название жилого комплекса.

– Это пропуск для прислуги, – сказала она. – Такой есть у всех, кто приходит сюда убираться постоянно.

– У Ксении убирались вы?

Леля кивнула.

– На самом деле работы было немного. Ксюша редко сидела дома. Я приходила трижды в неделю. Иногда даже дважды, а порой не приходила вовсе, когда ее не было дома, – пояснила она, и в ее голосе я впервые услышал извиняющиеся и даже какие-то жалкие нотки. – Лариса Игоревна совершенно права: Ксения была совершенно неприспособленна для ведения хозяйства самостоятельно. Она ничего не умела, но при этом за ней не приходилось собирать вещи по всему дому. Разве что вот посуду она не мыла по нескольку дней. Но одежду убирала в шкаф, а белье стирала самостоятельно.

– Думаю, что не в тазу, – невесело улыбнулся я. Леля не ответила, поскольку лифт остановился на последнем этаже. Мы вышли и направились по гулкому коридору, окруженные неприятной тишиной. Леля подошла к тяжелой двери, сунула ключ в замочную скважину и потянула створку на себя, вновь пропуская меня вперед.

Я вошел. Меня встретили тишина и затхлый запах непроветриваемого помещения. К моему удивлению, Ксения жила не в пентхаусе, хотя квартира оказалась довольно просторной, почти в два раза больше моей. Дизайнер сделал из нее большой лофт: стильный, но почему-то неуютный из-за серых стен, фрагментарно облицованных белым фальш-кирпичом и украшенных яркими полотнами без рам. Первое, что мне бросилось в глаза, были огромные, в пол, окна, которые не открывались.

– Как же она умудрилась выпасть? – удивился я.

Леля повела подбородком вправо, и там я увидел обычное окно, с двумя распахивающимися створками, светлым мраморным подоконником, переходящим в барную стойку и мойку со столешницей. Под окном лежала стильная трехногая табуретка с отломанной конечностью. С гардины свисала наполовину сорванная занавеска.

– Олег Юрьевич запретил здесь что-то трогать, – прошелестела Леля.

– Очень мудрое решение, – похвалил я и, сняв обувь, проследовал вглубь квартиры. Горничная осталась у дверей, подперла спиной стену и уставилась в пол, не пытаясь мне помочь или помешать.

Первым делом я осмотрел кухню, внимательно обследовав широкий подоконник. Забравшись на него, я открыл створку и выглянул наружу. Окно огораживал небольшой ажурный балкончик, скорее декоративный, чем функциональный, с двумя аккуратными ящиками, засажеными маргаритками. На всякий случай я подергал перила балкончика. Те даже не дрог-

нули. Высунувшись еще дальше, я поглядел вниз. На асфальте не осталось никаких следов от крови. Думаю, жителям элитной высотки не понравилось, что под окнами разбрызгали чьи-то мозги. Интересно, кто смывал следы? Надо будет поискать дворника. Поднявшись и вытянувшись во весь рост, я поднял руки к занавескам, и сделал шаг назад.

– Осторожнее! – воскликнула Леля. – Что вы делаете? Хотите следом вывалиться?

– Пожалуй, нет, – ответил я и спрыгнул вниз, решив не объяснять причин своего эксперимента.

Кухня была аккуратно прибрана, но на столешнице лежал тонкий слой пыли. В мойке стояла грязная чашка из-под кофе. На гуще пустила щупальца зеленая плесень. Открыв дверцу под мойкой, я вынул мусорное ведро и, не найдя газету, вывалил содержимое прямо на пол.

– Вы просто варвар какой-то, – не выдержала Леля. Я промолчал, брезгливо ковыряясь в мусоре шариковой ручкой.

Ничего интересного я не нашел: много окурков, некоторые были выпачканы помадой, другие – нет, упаковка от презерватива, тампон, несколько ватных дисков, шкурки от банана и апельсина, выпачканные краской тряпки, упаковки от продуктов, преимущественно быстрого приготовления.

– Мусор Ксения выбрасывала сама или это тоже было вашей обязанностью? – спросил я.

– Как когда, – ответила Леля. – Иногда это делала я, иногда Ксения выбрасывала сама, потому что, сами понимаете, вонять будет. А что?

Я предпочел оставить ее вопрос без ответа. Сдержанность Лели куда-то делась, и я совершенно не собирался объяснять каждый свой шаг. Вместо этого я бегло оглядел гардероб, отметив, что при жизни Ксения предпочитала одеваться со скромной роскошью. Вещи, совершенно неброские, лишённые присущей золотой молодежи вычурности и пошлости, явно покупали в дорогих магазинах, при этом хозяйка относилась к ним без особого почтения. Кроме вещей Ксении на вешалках я нашел несколько мужских маек, свитер и куртку. Вынув свитер, я показал его Леле.

– Это кофта Глеба, – пояснила она и сочла нужным добавить: – Мальчик вечно мерзнет. Дом элитный, а отопление дают как везде.

Я взял на заметку это вырвавшееся «мальчик», но не подал виду. Фотографий в гостиной не было. Разве что таковыми можно было считать картины, на которых бесспорно была изображена Ксения. Я не очень разбираюсь в живописи, но даже моего дилетантского взгляда хватало, чтобы понять: автор, изобразивший Ксению, если не гениален, то очень даровит. На полотнах девушку писали в странной технике, несколькими перетекающими друг в друга цветами, при этом выглядело это невероятно гармонично. Картины завораживали настолько, что я подумал: вот это я бы повесил у себя дома. Мне даже не требовалось спрашивать Лелю, кто автор.

На балконе, широком и длинном, мебели почти не было, разве что пара складных стульев, разбросанные по полу подушки и большой немый кальян. Рядом, на плитках, стояли два грязных винных бокала и полупустая бутылка бордо. К стене прислонили набросок: Ксения, в странной скрюченной позе, обнимала колени. Широкие росчерки за ее спиной складывались в крылья бабочки. Если я все правильно понимал, художник собирался написать Ксению обнаженной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.